

Кашенко С.Г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НРАВСТВЕННОСТИ И МЕРЫ НАКАЗАНИЯ ЗА НИХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТУРЦИИ

Не только в Европе, но и в самой Турции мало известно право средневековой Османской империи.

Изучению его по-прежнему мало внимание уделяют историки права Турции. Причина этого в том, что в местных архивах почти нет официальных актов султанов этого периода, а имеются преимущественно материалы, в той или в иной степени связанные с ними.

Изучение нормативных актов средневековых турецких султанов затрудняется и тем, что они нередко имеют фрагментарный характер, содержат в себе повторения и противоречия.

Изучение турецкого средневекового права затрудняется и тем, что немало списков канун-наме (сводов законов) того времени до сих пор не опубликовано, а хранятся они в рукописном виде не только Турции, но и многих европейских государств.

Средневековая Турция относилась к странам, в которых господствовал шариат. Источниками средневекового турецкого права являлись Коран, суына, фетва, нормативно-правовые акты, принятые арабскими халифами, а также законодательная деятельность турецких султанов, в том числе Селима I (1512 – 1520 гг.).

О его законодательной деятельности до недавнего времени сведений не имелось и он к разряду султанов – законодателей историками права не относился. Однако это не отвечает истине. Законодательная деятельность Селима I явилась важным этапом на пути развития и модификации права средневековой Турции.

А.С. Тверитинова выявила в Азиатском музее Института востоковедения АН СССР среди турецких документов две неизвестные рукописи с одинаковым названием «Книга законов султана Селим – хана да будет ему земля пухом».

Дата переписки первой рукописи – 1564 г., т.е. она не очень далека от времени правления Селима I и появления его Канун-наме. На ее полях имеются заглавия разделов и комментарии, выполненные другим переписчиком. Вторая рукопись не имеет даты, не указывается на ней имя ее переписчика. Предполагается, что к редактированию ее приложил руку нишанджи Феридун Ахмед-бей, известный турецкий правовед.

Составителем канун-наме Селима I является известный турецкий историк (автор «Путешествий») и правовед нишанджи Джелял-заде Мустафа Челеби (умер в 1567 г.).

Во время правления Селима I было издано канун-наме, которое явилось важной вехой на пути формирования и модификации средневекового права Турции.

Особенностью его было то, что в нем выделялись преступления против нравственности и предусматривались меры наказания за них. Наказания за них устанавливались положениями шариата. Нормы, сохранившиеся в статьях канун-наме Селима I, допускали некоторые отступления от суровых наказаний, предусмотренных шариатом за нарушения установлений исламской морали.

Мусульманское право разделяет преступные деяния на три вида:

насильственные действия против лиц;

хадд – преступные деяния, за которые предусмотрены наказания Кораном;

преступные действия, которые находятся в противоречии с установлениями законной власти.

Ко второму разряду преступлений среди прочих относится и прелюбодеяние, которое противоречит нормам нравственности, установленным Кораном.

В Коране неоднократно осуждается прелюбодеяние и устанавливается наказание за него. Об этом, в частности, говорится в аяте 2 суры 24 [1, с. 375]:

Прелюбодея и прелюбодейку

Подвергнуть порке в сто ударов

И в соблюдении сей заповеди бога

Пусть сострадание к ним не овладеет вами...

И пусть при наказании (прелюбодеев)

Присутствует собрание людей уверовавших (в бога).

О наказании за прелюбодеяние как за преступление также говорится в аяте 15 суры 4 [1, с. 105]:

А если кто из ваших женщин

Поступок мерзкий совершит,

[Прелюбодеяние или незаконное сожителство]

То призовите четырех свидетелей из вас.

И если (грех сей) будет ими подтвержден,

Держите их в домах,

Пока их не постигнет смерть.

А в аяте 16 суры 4 подчеркивается, что наказывать нужно не только женщину – прелюбодейку [1, с. 105]:

А если ту же мерзость совершат

Из вас какие-либо двое,

Вы накажите их обоих.

Кроме указанных, Коран (аят 3 сура 24) устанавливает и дополнительное наказание за прелюбодеяние [1, с. 375]:

Прелюбодей не (смеет) в связь вступать [брак]

Ни с кем, помимо многобожницы [немусульманки] или любодейки.

А с любодейкой в связь может вступать

Лишь любодей иль многобожник.

Для верующих

В брак с ними вступать запрещено.

В канун-наме Селима I были включены нормы, которые позволяли кади (судье) при вынесении приговора за преступления, квалифицировавшиеся как «прелюбодеяние», использовать вариантность: или вынести приговор на основе установлений шариата, или заменить его денежным штрафом.

Первый раздел канун-наме назывался «Относительно штрафа с развратников и развратниц». Он содержал предписания, позволявшие заменять предусмотренные шариатом наказания за преступления хадд, связанные с прелюбодеянием, штрафными санкциями.

В этом случае прелюбодеяние переходило из сферы уголовного права в область гражданских правонарушений.

Допустимость денежного штрафа, установленная канун-наме за прелюбодеяние, преследовала две цели: во-первых, расширить за счет этого денежные поступления в казну государственную, а во-вторых, избавиться от одной из наиболее жестких и изуверских форм наказания виновных, во время которого прелюбодейку нередко забивали насмерть.

Канун-наме не предусматривал отказа от норм процессуального права шариата при совершении правосудия при прелюбодеянии, устанавливал, что следствие и суд при этом кади должны производить так же как они это делали ранее.

В средневековой Турции решение кади по делу не считалось окончательным. Правом его пересмотра пользовался или он сам или «инспектор несправедливости».

После поступления жалобы пострадавшего от прелюбодеяния или его родственников кади был обязан затребовать объяснение от обвиняемого.

Если этот не торопился с объяснениями, кади имел право получить их с помощью палочных ударов или заключения обвиняемого в темницу.

Для установления истины кади мог использовать признание обвиняемого, показания свидетелей, а также клятвы, которые приравнивались к судебным доказательствам.

К свидетелям предъявлялись определенные требования: они должны быть старше 10 лет, не иметь судимости, быть очевидцами преступления. Не могли являться доказательствами в суде при рассмотрении дел о прелюбодеянии свидетельства малолетних, «неверных», сумасшедших.

Использовался формальный принцип оценки доказательств: показания двух женщин приравнивались к показаниям одного мужчины. Судебный процесс по делам о прелюбодеянии, также как и по другим делам, носил обвинительный характер.

Канун-наме Селима I не только давал возможность кади переводить дела о наказании за прелюбодеяние в разряд гражданских дел, но и предписывал им при определении размера штрафа в наказание за него учитывать имущественное положение обвиняемого /или обвиняемых/. При этом устанавливалась прямая зависимость размера штрафа от стоимости имущества обвиняемого /в денежном выражении/.

Согласно канун-наме турок-мусульманин, состояние которого достигало тысячи акче (мелкая серебряная монета), если не наказывался за прелюбодеяние по шариату, приговаривался к уплате штрафа в размере 400 акче. Если же он был среднего достатка, то штраф должен был составить 200 акче. Если его достаток был еще меньше, то штраф составлял 40 акче. А с совсем неимущего предписывалось взимать штраф в размере 30 акче.

В канун-наме предусматривалась дифференциация наказания в зависимости от семейного положения виновного. Вышеуказанные размеры штрафа за прелюбодеяние предусматривались для женатых мужчин и замужних дам. Размеры штрафных санкций значительно снижались для неженатых и незамужних.

Для богатого холостяка /холостячки/ в этом случае штраф был определен всего в 100 акче, для холостяка среднего достатка – в 50 акче, а для бедного – в 30 акче.

Канун-наме определял меры наказания в денежной форме для виновных в прелюбодеянии, не делая при этом различий между мужчиной и женщиной. «Если прелюбодеяние, - говорилось в своде законов, - совершит женщина и она богата, то с нее штраф такой же, как с богатого мужчины; если же она среднего достатка или бедна, то пусть с нее будет взято соразмерно этому».

В отношении женщин понятие прелюбодеяния толковалось более широко чем для мужчин. К нему было отнесено и допущение незамужней женщиной мужчины в свой дом.

К разряду преступлений, квалифицируемых как прелюбодеяние для женщин, было отнесено и сводничество. За это взимался по решению кади штраф в том же размере, который был предусмотрен за другие виды прелюбодеяния. Но он вносился не самой женщиной – сводницей, а ее мужем [2, с. 31]. В средневековой Турции, несмотря на строгости шариата и неравноправное положение женщин, имел место такой вид преступления на брачно-семейной почве как двоемужество. Проявлялось это в том, что женщина, не оформившая официально развод с мужем, вступала с другим мужчиной в фактические брачно-семейные

отношения.

Канун-наме Селима I ставил преграду на пути подобной «деятельности» не оформивших развод мусульманок, и предусматривал взимание за это денежного штрафа, размер которого дифференцировался в зависимости от их имущественного положения. «если женщина имеет имущество и мужа, - говорилось в нем, - но снова примет мужчину, то с нее положен штраф за плутовство, с богатой – 100 акче, с имеющей средний достаток – 58 акче, с бедной – 30 акче» [2, с. 31].

Селим I в своей законодательной деятельности стремился также повысить моральный уровень и молодых турок обоего пола. Канун-наме предусматривал, что если прелюбодеяние совершит юноша или девушка, то с ними тоже по решению кади может быть взыскан штраф в размерах, предусмотренных законом для холостых мужчин или женщин [2, с. 32].

В более благоприятном положении в отношении наказания за «прелюбодеяние» находились лица, располагавшиеся внизу социальной лестницы средневекового турецкого общества. В своде законов Селима I предусматривалось наказание за него и для рабов и рабынь. В качестве наказания на них за это предписывалось кади взимание штрафа в размере половины штрафа, полагавшегося для свободных.

Канун-наме допускал наказание по выбору кади – или по шариату или в виде денежного штрафа не за всякое прелюбодеяние. В ряде случаев устанавливалось, что штраф является дополнением к наказанию, которое установлено шариатом.

Так, канун-наме предписывал кади, что если мужчина поцелует чужую жену или дочь или придя в жилище женщины будет добиваться этого же, определить для него наказание по шариату – подвергнуть его определенному количеству палочных ударов. Кроме того, предписывалось взыскать с него денежный штраф – за каждый палочный удар по акче.

В целом султан в своей законодательной деятельности сделал шаг на пути либерализации наказаний, предусмотренных шариатом за прелюбодеяние. Однако за некоторые его виды в канун-наме были сохранены полностью шариатские наказания, связанные с физическим наказанием или членовредительством.

«У того, - говорилось в нем, - кто силой или хитростью затащит в чей-нибудь дом девочку или мальчика, и у того, кто затащит в дом девушку или женщину, в качестве наказания пусть отрубят половой член» [2, с. 32].

Не предусматривалось в своде законов Селима I и смягчение шариатского наказания за такое распространенное в средневековой Турции преступление как воровство девушек или женщин с целью насильной выдачи их замуж.

С одной стороны канун-наме устанавливал недействительность такого брака и освобождение насильно выданной замуж девушки или женщины. А с другой, кади предписывалось присудить виновного к публичному наказанию палочными ударами.

Кроме того, требовалось наложить позорящее наказание на «мужа», заключившего брак. Закон предписывал кади такого «молодожена» присудить к обрезанию бороды [2, с. 32].

В средневековом праве Турции предусматривались суровые наказания и за нарушения предписаний морально-этических норм, которые при всем желании трудно отнести к разряду преступлений.

Свод законов Селима I взял под защиту не только свободную женщину-мусульманку. Устанавливалось, что если турок будет приставать к чьей-либо рабыне или просто поцелует ее, то кади должен присудить его к публичной порке, предусмотренной шариатом. Закон также предписал дополнить ее денежным штрафом с виновного – за каждые два палочных удара взять с него один акче штрафа [2, с. 32].

Мужеложство или покушение на него относились к разряду преступлений, которые наказывались весьма сурово в средневековом праве Турции. Шариат предусматривал за подобные извращения сексуального плана применение к виновному также наказания в виде публичного битья палками, которое иногда заканчивалось тем, что виновного забивали насмерть (в зависимости от числа ударов, определенного кади, и состояния здоровья обвиняемого).

Канун-наме усилил наказание за этот вид преступлений, дополнив наказание установленное шариатом, взиманием с виновного денежного штрафа и заключением его в темницу. «Если кто-то, - говорилось в своде законов, - поцелует какого-нибудь мальчика или будет преследовать его или приставать к нему, то пусть он строго будет наказан и за каждый палочный удар пусть будет взято по 1 акче штрафа. А кади при рассмотрении дела на месте еще и в тюрьму пусть посадит» [2, с. 32].

Селим I усилил наказание, предусмотренное шариатом, и за сексуальное извращение другого рода – за скотоложство. Правда, тюремное заключение за это не предусматривалось [2, с. 33].

Канун-наме предусматривал правовую защиту женщин от сексуальных посягательств со стороны мужчин, однако в ряде случаев не доводил до логического конца. При рассмотрении кади о сексуальном насилии над женщиной по ее жалобе он ставил ее в неравноправное положение по сравнению с мужчиной.

Проявлялось это в том, что если мужчина при этом клятвенно отрицал факт насилия над истицей, и не было свидетелей этого, то этого было достаточно для того, чтобы обвинить ее в клевете.

В этом случае ее ожидало наказание в виде публичного битья палками (по шариату) и взиманием с нее в качестве дополнительного наказания за каждые два палочных удара по 1 акче штрафа [2, с. 32].

Предусматривалось наказание для мужчин, которые чтобы скомпрометировать женщину или девушку, ложно утверждали, что совершили с нею половой акт. За это предусматривалось, кроме шариатского наказания, еще и меры гражданской ответственности.

«Если мужчина, - говорилось в канун-наме, - скажет о женщине или девушке: «Я совершил с нею пре-

любодеяние», а она будет отрицать это, ей надлежит дать клятву, а мужчина пусть будет наказан и за каждые два палочных удара пусть будет взят 1 акче штрафа».

Султанский свод законов не предусматривал наказания за бездоказательное обвинение в насилии над женщиной.

«Если, - устанавливалось в нем, - кто-нибудь скажет другому: «Ты обесчестил мою жену, дочь или рабыню», но это не будет доказано, то обвиняемого пусть не наказывают и штрафа не берут».

В наказаниях за преступления, совершенные на сексуальной почве канун-наме предусматривались различия для совершеннолетних и несовершеннолетних. Несовершеннолетние за это подвергались наказанию, только предусмотренному шариатом, а к совершеннолетним применялось и дополнительное наказание в виде денежного штрафа.

Устанавливалось, что если чей-нибудь сын совершит развратный поступок, то, если он достиг совершеннолетия, то должен быть наказан палками и за каждый палочный удар с него надо взять акче штрафа.

Взимание штрафа в отношении несовершеннолетнего правонарушителя за подобное преступление канун-наме не предусматривалось. Он наказывался только палочными ударами /в соответствии с предписаниями шариата/ [2, с. 32-33].

Свод законов предусматривал наказание не только за изнасилование или за попытку изнасилования женщины. Защищал он ее честь и в другом плане. Устанавливалось, что если какой-нибудь мусульманин погонится за женщиной или войдет к ней в дом, откроет ее волосы или стянет с нее шаровары или платок, то после того, как это будет установлено кади, его следует строго наказывать палками, посадить в тюрьму и сообщить о таком преступлении администрации.

Согласно шариату наказание в виде палочных ударов предусматривалось за вступление мусульманина в сексуальную связь с рабыней своей жены, матери или кого-либо из своих близких.

Канун-наме предписал кади за это дополнить наказание штрафом по 1 акче за каждый полученный виновным палочный удар. Однако закон освобождал от наказания за подобные действия сына, который вступал в сексуальные отношения с рабыней отца /с его наложницей/ [2, с.33].

В средневековой Турции во время правления Селима I был издан свод законов, который, с одной стороны, придал юридическую силу положениям шариата о наказании за нарушение установлений Корана морально-этического плана в виде публичного битья виновного палками.

А, с другой стороны, канун-наме дополнил наказания за них путем взыскания с виновного денежного штрафа. Кроме того, кади в ряде случаев позволялось использовать или шариатское наказание или денежный штраф. Издание свода законов Селима I стало важным этапом на пути формирования и кодификации средневекового права Турции.

Литература

1. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. – Издание пятое, дополненное и переработанное. – М.: Аванта+, 2000.
2. Книга законов султана Селима I. – Публикация текста, перевод, терминологический комментарий и предисловие А.С. Тверитиновой. – М.: Наука, 1969.

Литвинчук И. Н.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНСТРУКТОВ ЭМОТИВНОГО СИНТАКСИСА В РАМКАХ КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

Результаты психоэтолингвистического эксперимента, проведенного автором при исследовании прагматики эмотивного текста, (суть эксперимента см.: [13]), были подвергнуты формализации, что позволило обратиться к построению гипотетической модели-алгоритма порождения эмотивного текста-реакции (ЭТ) как результата процесса восприятия и интерпретации ЭТ-стимула. С лингвофеноменологической точки зрения данная модель может внести вклад в рассмотрение генезиса эмотивного смысла-образа с момента получения первых ощущений органами чувств до стадии интерпретации их в сознании и выражения с помощью знаков внешней речи. Одним из базовых принципов, определяющих архитектуру и геометрию модели, созданной в русле коммуникативно-когнитивного направления в современной науке, был парадигматический подход к организации собственно лингвистических и психологических знаний.

Проследим уровни порождения знаков эмоции синтаксического уровня -конструктов эмотивного синтаксиса, в частности, ЭК как структурных компонентов ЭТ-реакции, и в итоге - эмотивно-художественного образа текста в рамках процесса восприятия и интерпретации эмоциогенного стимула предметного мира (в нашем случае - ЭТ-стимула). На рисунке (см. ниже) представлен многоярусный стереообраз, виртуальная модель данного процесса. Выделенные уровни порождения ЭК как конструктов ЭТ являются архитектурно-пространственными образованиями и лишь условно могут быть определены как этапы, поскольку нами учитывается высказываемое в рамках когнитивной лингвистики положение о том,

что процедуры порождения речи могут протекать параллельно, симультанно, накладываться друг на друга во времени. Однако здесь не исключается и распределение во времени, т.е. последовательность,

интерактивность, рекурсивность и даже "автоматичность" [24]. При восприятии речи посегментное {изложение информации с последующим ее освоением, переработкой воспринимаемого ЭТ и выдвижение интерпретационных гипотез о структуре и семантике этих "квантов" эмотивной контекстуальной информации позволяет также выделить этапы "текущего" и "последующего" интерпретирования.

Предлагаемая гипотетическая схема-модель, призванная воспроизвести в общих чертах "завязку", "развитие действия" и "развязку" интерпретационных действий над информацией ЭТ-стимула в плане порождения ЭТ-реакции и формирования значений эмотивных синтаксических конструкций (ЭК) как конструкций ЭТ. Выбор именно алгоритмической техники конструирования предлагаемой модели из арсенала подобных методов процедурной семантики обусловлен тем, что последняя ставит своей задачей изучение отношений между языковыми объектами и психическими состояниями и процессами, участвующими в их производстве и понимании, а также реконструкцию и моделирование динамических аспектов понимания, продуцирования языка и мышления.

Итак, "уровни" модели, которую мы представили как многоярусный объемный образ-скрипт, расположены не строго по вертикали или по горизонтали, но схематически репрезентируют сущность описываемого явления в феноменально-концептуальном и формально-языковом пространствах. Структура модели отражает сложность когнитивной структуры психических процессов при восприятии и интерпретации информации ЭТ как стимула-раздражителя. Многомерность пространственной организации данной модели, ее виртуальность отражают порядок следования информации в когнитивных структурах, который можно образно представить как процесс своеобразного "сканирования" наблюдателем информации, поставляемой объективной действительностью. Возможно и образование интерференционных зон-проекции, в которых осуществляются семантические связи-интерпретации и концептуальные переходы-трансляции, впоследствии реализующиеся посредством языковых (грамматических) форм. Сложное взаимодействие информации, поступающей из разных уровней-пространств, может протекать одновременно (симультанно). Вероятна также цикличность данного процесса, возвращение "на круги своя", т.е. к предыдущим звеньям-уровням цикла с целью верификации, проверки и перепроверки субъективной истинности интерпретационных соответствий между ментально-семантическими и формально-грамматическими коррелятами ЭТ. Следует также учитывать вариативность, избирательность индивидуальных речемыслительных процессов восприятия и речепорождения в концепции "анализ через синтез", что достаточно сложно систематизировать в единый алгоритм.

На довербальном, интенциональном этапе кодирования эмоциональной информации в феноменальном мире психики образуется общий, "картиноподобный" в терминологии А. Пейвио [26], нерасчлененный эмоциональный эйдос, гештальт, являющийся продуктом отражения реакции на определенный стимул предметного мира (см. рис., уровень 1, 2). Теоретической базой для обоснования первичности эмоционального гештальта в речемышлении может служить также положение о том, что на начальных этапах перцептивного процесса проявляется примат целого над поэлементным [12]. Последовательность формирования эмотивных образов обусловлена не только порядком поступления эмотивной информации, содержащейся в воспринимаемом и интерпретируемом ЭТ, но и выдвижением на первый план "наиболее значимой в данном контексте и для данных коммуникантов информации: привлечение внимания к определенной части текста обеспечивает ее выдвижение на передний план в обработке информации" [20]. Оpozнание образа-гештальта эмоции идет по направлению распознавания и дифференциации отдельных его элементов, специфических признаков. На этом этапе уже учитывается иерархическая организация предметов объективной действительности: включенность одного предмета в другой, а также неоднородность предмета-стимула, т.е. обязательность вхождения в его состав более мелких предметов-элементов. В этом отношении эмотивная семантика синтаксического уровня не является исключением.

Представляется возможным выделить в перцептивном акте восприятия ЭТ этап актуализации трех основных измерений базиса эмотивности, формирующих психосемантическую синтагму и отражающих стороны любого эмоционального явления. В соответствии с теорией семантического дифференциала Ч. Осгуда [16], это оценка (удовольствие/неудовольствие), сила (импульсивность), активность (напряженность) (см. рис., уровень 3). Экспериментальные исследования в области психофизиологии эмоций показали универсальность данных структур в отношении эмоциональных явлений. Факторы "оценка", "сила", "активность" представляются наиболее существенными для построения всей концептуальной системы эмотивности: это исходные, "первичные концепты", на базе которых впоследствии развивается более дифференцированный, разветвленный концептуальный организм. Таким образом, эти факторы организуют целостное концептуальное пространство эмотивности и выступают как главные рубрики его членения.

Фактор "сила" может обуславливать и характеризовать как интенсивность процесса эмоционального реагирования на стимулы-раздражители воспринимаемой действительности, а также степень контроля указанного процесса посредством волевых усилий субъекта, так и интенсивность внешнего проявления, изъясления эмоциональных реакций, в том числе и речевых. Данный фактор может выступать как характеристика личностных качеств, как "сила личности", "сила Эго", "сила Я". Считается общепризнанным факт, что процесс восприятия сопровождается обязательным оцениванием как качеств объекта восприятия, так и отношения к нему воспринимающего субъекта. Это может быть более дифференцированный подход с эстетической точки зрения "красиво/некрасиво", оценивание функциональной пользы "полез-

но/вредно" и соответствия воспринимаемого социальным эталонам "нравственно/безнравственно", "морально/аморально", а также выявление качества и знака эмоционального фона восприятия "удовольствие/неудовольствие". Фактор активности, на нейрофизиологическом уровне обусловленный активацией определенных мозговых структур, на психологическом уровне проявляющийся в степени активности отражения, восприятия и формирования вербальных и невербальных, образных форм репрезентации, также является одной из трех "вершин"-модусов эмотивности на рассматриваемом доязыковом уровне.

Согласно нейролингвистическим теориям, установление когнитивного контакта субъекта с воспринимаемым предметом рассматривается прежде всего как активность по его артикулированию, членению на смысловые компоненты по схеме, подобной предикативной [3; 5]. Таким образом, следующий этап и уровень трансформационной модели-скрипта - это более расчлененная, подробная дифференциация семантических составляющих парадигм с ядерными психосемантическими концептами активности, оценки, силы. Члены психологической синтагмы группируются по ядерным концептуальным основаниям психологического феномена эмоциональности в соответствии с принципом антиномий. Здесь психологические концепты представлены в виде бинарных оппозиций (см. рис., уровень 4), т.е. пар антагонистических характеристик субъекта-носителя эмоционального состояния (ЭС), выступающего как языковая личность в процессе выражения определенных эмоциональных состояний в речи. Выбор в качестве концептуальных звеньев психологической синтагмы основных характеристик темперамента обусловлен тем, что эмоциональные характеристики речи во многом определяются типом нервной системы субъекта-языковой личности. Так, в психофеноменальном пространстве, границы которого определяются концептуальными полномочиями парадигмы "сила" расположены эмоциональная возбудимость и темп эмоциональных реакций. Ядерным психосемантическим компонентом для ряда концептуальных модусов: активности/пассивности субъекта в отношении испытываемого им ЭС, реактивности/произвольности ЭС, экстравертивности/интровертивности интенций эмоционально реагирующего субъекта - является концепт "сила". Парадигму с психосемантическим индексом "оценка" формируют пластичность/ригидность ЭС и оптимистичность/пессимистичность установок субъекта-носителя ЭС. Парадигматические, "вертикальные" связи позволят впоследствии связать психологические характеристики языковой личности, представленные в данной синтагме, с особенностями концептуального и категоризационного стиля конкретного субъекта речевой деятельности.

На следующем уровне актуализационно-трансформационной парадигмы (см. рис., уровень 5), при выделении которого когнитивный подход тесно соприкасается с семиотическим, происходит сличение концептуальной системы как арсенала психосемантических составляющих идеального эмотивного эйдоса с индивидуальным образом-отражением конкретной эмоции в феноменальном пространстве индивида как языковой личности. Соответственно происходит отбор эмотивных психосем в соответствии со степенью их контекстуально-ситуативной актуальности. При этом ситуативность проявляется как разграничение типовых эмотивных ситуаций, обуславливающих и регулирующих процесс избирательной актуализации эмотивных психосем. Информативно доступными являются только те упорядоченные репрезентанты психического образа эмоции, которые актуализируются по правилам типовой эмотивной ситуации, куда входит и прагматическая ориентация на адресат эмоционального сообщения, оценка его информативного поля. При этом раскрывается единство языковой формы, значения и действия в коммуникативно-эмоциональном событии-акте. Таким образом, учитывается денотативное содержание конкретной эмоции (о чем говорить, т.е. какие актуально-индивидуальные признаки эмоции следует отразить в речи?), целеполагающий мотив (зачем говорить, т.е. установить задачу высказывания в достижении планируемого перлокутивного эффекта), формально-логическая сторона эмотивного высказывания (как сказать, т.е. какую оптимальную форму избрать для выражения конкретного эмотивного значения в соответствии с правилами мышления и общепринятыми способами формализации?). В данном процессе участвуют как психические механизмы сознания, когда целенаправленно рационализируются компоненты эмотивной семантики, так и интуитивно-семантического фильтра.

Еще Р. Джекендофф-выдвинул гипотезу о том, что в психике существует определенный уровень, на который "стекается" для сопоставления вся информация, полученная извне и приходящая по разным каналам (зрительному, слуховому, тактильному, моторному и т.п.) и принадлежащая разным модальностям [25]. Этот уровень впоследствии был определен как уровень концептуализации - "понятийной классификации" информационного содержания.

В рамках нашей модели на концептуальном уровне определяются отношения психофеноменального поля эмотивности и его непосредственного контакта с субъектом когниции и восприятия, т.е. происходит концептуализация, выделение определенных единиц эмоционального человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, группирование которых позволяет впоследствии построить "идеальную" психосемантическую модель эмотивности. На этом этапе **формируется** ментально-концептуальное пространство эмотивности, индивидуальная семантическая проекция которого в феноменальном пространстве субъекта как языковой личности станет затем "удобным полигоном" для интерпретационных операций с языковыми (речевыми), текстовыми структурами. Таким образом, на этом уровне формирования "эмоциональной" мысли выстраивается синтагматический ряд психосемантических составляющих эмоционального феномена, представленных как ментальные репрезентации концептуальной эмотивной системы, которые впоследствии могут быть соотнесены с вербальными репрезентациями. В систему бинарных оппозиций входят концепты, представленные на психосемантической шкале эмотивности как "+" и "-",

однако не всегда категорично рассматриваемые как антагонистичные в силу диалектичности, частой амбивалентности эмоциональных явлений. Содержание противопоставлений в "парах" определяется не языковыми нормами, но отражает "своеобразие индивидуальной системы антонимии" [17, 69] субъекта в рамках его имплицитной теории личности. В данном ряду представлены, во-первых, существенные, релевантные для любого эмоционального состояния и, соответственно, для любой речевой реализации последнего психосемантические признаки. Это концептуальный семантический референт психологической характеристики степени эмоциональной возбудимости - интенсивность/экстенсивность транслирования эмотивной семантики; под "патронажем" экстравертивной/интравертивной ориентированности индивида - тяготение к эксплицитности/имплицитности транслируемого эмоционального состояния (ЭС); модус оптимистичности/пессимистичности

проектирования "картины мира" проявляется в превалировании интенционального концепта позитивности/негативности, т.е. тяготения индивида к оценкам "плохо" или "хорошо". В синтагматическом ряду стоят и "ситуативные" концепты, которые, будучи представлены в целостной концепции эмоциональности, избирательно актуализируются в типовой ситуации для конкретного ЭС. Так, под эгидой психологического модуса "темп эмоциональных реакций" выступают психосемантические концепты "статичность/процессуальность", "континуальность/фазовость", а референтом психологической характеристики "активность/пассивность" является агентивность/неагентивность. Реактивность/произвольность эмоциональных реакций представлена набором концептуальных коррелятов - "контролируемость/неконтролируемость", "осознанность/произвольность", "каузированность/необусловленность"; референциальной сферой эмоциональной пластичности/ригидности являются концепты номинативности/эвальюативности (оценочности) в эксплицировании или имплицировании ЭС, радикальности/умеренности эмотивной оценки, конкретности/абстрактности вербальной трансляции эмоции. Каждый из представленных концептов является неотъемлемым элементом общей концептуальной базы эмотивности и поэтому имеет право на избирательную актуализацию в процессе формирования индивидуального, ситуативно-обусловленного эмотивного образа, который впоследствии выражается в выборе языковой категории. Однако целостный эмотивный образ некорректно было бы представить как простую сумму составляющих концептов.

На вербальных этапах эмотивного синтаксирования в речемышлении определяется наиболее адекватная психосемантическим концептуальным составляющим эмоционального эйдоса, возникшего в сознании воспринимающего субъекта, грамматическая форма выражения предиката ЭК, т.е. непосредственный выбор стратегии эмотивного предикирования соответствующего типа, маркированной характером когнитивно-эмоционального стиля индивида, его устойчивыми психологическими интенциями (см. рис., уровень б). При этом неактуализированные в этой комплексной парадигматико-синтагматической структуре психосемантических эмоционально-эмотивных признаков опознаватели нейтрализуются, а иногда и вовсе утрачиваются. Это касается как одного из членов психосемантической пары концептов, "отвергнутого" в результате актуализации другого члена этой же пары (например, выбор стратегии имплицирования эмотивного значения вместо эксплицирования или же осознание эмоции как негативной, а не позитивной), так и всего концепта в совокупности психосемантических вариаций. Например, концепт "фазовости/квантифицируемости" теряет свою актуальность при выражении эмоциональной оценки посредством адъективной ЭК (Ср.: *Прекрасная пора*...).

На этой стадии осуществляется переход от глубинных операций смыслового синтаксирования во внутренней речи на поверхностный уровень семантического синтаксирования и последующего грамматического структурирования. Здесь параллельно предикированию происходит выбор лексического наполнения предиката, т.е. максимально адекватного эмоции-денотату имени, причем номинация и предикация понимаются как симультанные и основные процессы порождения речи. Таким образом, события этого уровня разворачиваются в объективационном поле, когда совершается переход от стратегии гипотетического поведения к конкретному, предметному: от целостного представления-продукта отражения с последующей интерпретацией информации, ее концептуализацией до категоризации. Такое понимание тесной связи процессов концептуализации и категоризации как уровней-этапов речемыслительной деятельности в процессе восприятия и интерпретации ЭТ не противоречит общетеоретическим положениям когнитивной науки.

Условной границей субъективационного и объективационного полей является интерференциальная трансформационно-семантическая макрозона интерпретации эмоционально-эмотивных значений, своего рода информационно-энергетическое "поле напряженности". В этой зоне происходит проекционное соотнесение, трансформация психосемантических составляющих индивидуального эмоционального эйдоса субъекта с семантическими составляющими "внутреннего предиката" как "опорного слова" [6] и соотносимого с ним в перспективе "внешнего" предиката ЭК, его семного набора эмотивности и наиболее оптимальной, адекватной для его выражения грамматической формы. На представленной схеме эта зона-интерференциальное пространство представляет собой архитектурный комплекс третьего, четвертого, пятого и шестого уровней.

Именно на этом этапе совершается таинство соотнесения психосемантического, глубинного, концептуального и грамматического, поверхностного, формально-структурного слоев эмоционально-эмотивного эйдоса. Таким образом, в избирательной актуализации понятийных и грамматических категорий проявляется **"Ифистрастность"** человеческого сознания.

Продуктом вышеуказанного процесса и является формирование ассоциативно-вербальной сети (см. рис., уровни 5-6), организация которой отражает все хитросплетения и "узловые" моменты семантических полей личности. В этом интерференционном семантическом пространстве устанавливаются связи между синтактико-грамматическими формами предиката и соответствующими психосемантическими характеристиками эмоционального состояния из синтагматического ряда, что обусловлено опытом субъекта как языковой личности в соотношении с его психологическими характеристиками, а также и стереотипным представлением субъекта об определенной эмоции (страха, например) и о возможных социальных ситуациях ее проявления. В этой зоне происходит наложение различных феноменальных пространств, "объекты" которых взаимодействуют: психологического (характеристики типа нервной системы субъекта-языковой личности, обуславливающие интенсивность нервных реакций); психосемантического (арсенал концептов эмотивности, избирательная актуализация которых способствует созданию общего психосемантического "портрета" конкретной эмоции, транслируемой в речи субъекта), грамматического (набор ЭК с различным типом морфолого-синтаксического оформления предиката, категориальные характеристики которого способны отразить различия в денотативно-психологическом характере выражаемых в речи эмоций). Векторы семантической связи между грамматической формой предиката и соответствующими психосемантическими концептами эмотивности позволяют проследить зоны и конфигурации пересечения психосемантической и грамматической плоскостей, наглядно представить "пункты" сходства и различия в семантических характеристиках различных типов репрезентации эмотивных предикатов, ведущих к выявлению оснований возможностей их синонимичности в контексте.

В свою очередь этот процесс структурирован и контролируется системой *фреймов* (см. рис., уровень 7), отношения между которыми способствуют формированию так называемой *фреймовой сетки*. Активация того или иного фрейма обусловлена спецификой эмотивной ситуации-сцены, когда сцена и фрейм соотносятся посредством "перспективы": в процессе речемыслительной деятельности определенный психосемантический модус, "оценка" например, выдвигается на первый план, а другие оказываются на втором плане. В этом случае происходит активация эвалюативного фрейма, который в свою очередь предопределяет употребление в рамках дискурса оценочной ЭК с соответствующим грамматическим оформлением предиката. Естественно, что на активацию конкретного фрейма влияют и такие экстралингвистические факторы, как ситуативные и устойчивые психологические характеристики субъекта речевой деятельности, его установки. Таким образом, процесс понимания специфики эмотивной информации в рамках конкретной типовой ситуации подразумевает активацию фреймовой сетки, конкуренцию фреймов и выдвижение на первый план фрейма-"победителя" [22]. Логико-семантический анализ структуры фрейма позволяет охарактеризовать принципы отношений и связей в рамках типовой эмотивной ситуации, способствуя репрезентации синонимического ряда предикатов, "обслуживающих" данный фрейм и на основании психосемантических характеристик денотата-эмоции соотносимых с конкретной грамматической формой. Моделирование ЭТ происходит путем формирования синтагматической цепи эмотивных предикатов-ядер ЭК, каждая из которых репрезентирует на уровне ЭТ отдельный художественный образ конкретной эмоции. Это завершающий этап процесса объективации, закономерным результатом которого является ЭТ с его эмотивно-образной системой. При этом интегративный семантический образ ЭТ является не простой суммой эмотивных значений, представленных в ЭК как конструктах ЭТ: это самостоятельная и целостная эмотивная субстанция речемыслительной деятельности в процессе коммуникации. В целом предложенная модель может рассматриваться как единый скрипт, структуру узлов и отношений которого представляют синтагматико-парадигматические структуры разных уровней и который характеризует связность такого аспекта психического опыта человека, как конструирование эмотивного синтаксиса, в частности ЭК и ЭТ. Подобный подход, подразумевающий совмещение в единой модели речевосприятия различных видов анализа, переход от "атомарных" парадигм концептуализации к категоризации и анализу текстового целого, выдержан в духе генеративной семантики, основные постулаты которой были изложены Ю. Д. Апресяном [2].

Представленная на рисунке схема, эксплицирующая алгоритмическую модель интерпретации эмотивного знака-стимула и его трансформацию в индивидуальный эмотивный знак-реакцию, может быть задействована в речемышлении столько раз, сколько эмотивных знаков-стимулов синтаксического уровня содержит в себе ЭТ. Однако если несколько эмотивных предикатов, связанных в семантический "пучок", служат для презентации единого эмотивно-художественного образа в рамках одной эмотивной ситуации, их восприятие и семантическая интерпретация может пройти по единой схеме. При этом образуются оригинальная модель синтагматико-парадигматических связей, исходными звеньями-уровнями которой являются эмотивные эйдосы - продукты отражения стимулов предметного мира (в нашем случае ЭК как конструктов ЭТ). Предложенная схема не может претендовать на экспликацию всеобъемлющего подхода, поскольку сложность механизмов психических процессов речемышления входит в противоречие с возможностями их описания и систематизации. Однако любая попытка систематизации накопленных фактов в такой важнейшей области психики, как эмоциональная, представляется актуальной в плане экспликации механизма эмотивных речевых процессов и перспектив создания совершенных интеллектуальных технических систем. Данная схема подводит к выводу о приемлемости трех основных принципов описания психики в аспекте изучения эмоционально-эмотивных явлений: принципа активности психического отражения, принципа сохранения целостности системы за счет поисковой активности и принципа оптимального баланса между характером изменений внешней среды и адаптивной активностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аносова Л.Р. Эталоны речевого мышления // Вопросы психологии. - М.: 1985. - №2, - С.96-99.
2. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М.: Просвещение, 1966, - 302 с.
3. Ахутина Т. В. Психологические механизмы синтаксиса // Прагматический аспект грамматической структуры текста. - М. Наука, 1988. - С.27-28.
4. Брунер Дж. Онтогенез речевых фактов // Психолингвистика. - М.: 1984. - С.34-42.
5. Бутон Ш. Развитие речи // Психолингвистика. - М.: С.34-49.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений. - М.: Педагогика, 1982.-Т.2.-С.5-315.
7. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. — М.: 1994. - № 4. — С.62-84.
8. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Изд-во МГУ, 1996. - 242 с.
9. Левашов В. И. Введение в психосемиотику. — Спб.: Изд-во СПб-го ун-та, 1994. -57с.
10. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. - М.: 1971. - С. 2-9.
11. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. - М.: 1983. — С. 34.
12. Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. - М.: 1974. - С.41.
13. Литвинчук И. Н. Интерпретация эмотивных смыслов художественного текста в психолингвистическом эксперименте // Культура народов Причерноморья. - № 6. - Симферополь: Изд-во СГУ. - 1997. - С.156-161.
14. Лурия А. Р. Язык и сознание. - М.: Изд-во МГУ, 1979. - 319 с.
15. Мусиенко В. П. Введение в психолингвистику. - Киев: 1996. - С.23-26.
16. Осгуд Ч., Суси Дж., Таннебаум П. Измерение значений // Семиотика и искусствометрия. — М: 1972. - С.26-34.
17. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - 207 с.
18. Слобин Д., Грин Д. Психолингвистика. - М.: Наука, 1976. - С.5-195.
19. Цепцов В. А. Семантические операции при обработке дискурса // Современные модели психологии речи и психолингвистики. - М.: ИП АН СССР, 1990. - С.37-50.
20. Чейф У. Л. Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975. - С. 431.
22. Catford J.C. A practical introduction to phonetics. - Oxford, 1988. - P.36-38.
23. Charniak E. Context recognition in language comprehension // Strategies for natural language processing. - Hillsdale (N.J.), 1982. - P.439.
24. Cruse D.A. Prototype theory and lexical semantics // Meaning and prototypes. Studies in linguistic categorization / Ed. by Tsohatzidis S.L. - L., N.Y., 1990. - P. 390-401.
25. Fromkin A. Language and Brain: Redefining the goals and methodology of linguistics // The Chomskyan turn. - Cambridge (Mass.), 1991. - P.83-96.
26. Jackendoff R. What is a concept? // Frames, fields, and contrasts. New essays in semantics and lexical organization. - Hillsdale, 1992. - P.203-206.
27. Paivio A. Mental representations. A dual coding approach. - Oxford, 1986. - P. 46.